

ГОЛОС ПРОТИВ МАЛАХОВА

ТЕЛЕРЕВИЗОР

26 сентября 2004

...Пятнадцать лет назад я была на первом московском концерте Дмитрия Хворостовского. В Большом театре. Он был вполне юн, еще светло-рус, и по телевизору его к тому моменту показали всего пару раз, в репортажах из Красноярска. Поэтому безраздельно завладеть Большим Диме не позволили — в концерте участвовала певица, «раскрученная» куда больше Хворостовского. Певица в моей памяти сохранилась мучительным оскалом и страдальчески напряженным горлом.

Спорить о «настоящем» и «ненастоящем» искусстве — глупее занятия и придумать невозможно... На сцену вышел человек и открыл рот. И возник Голос. Словесно оформленных мысли было две: «для него нет ничего невозможного» и «только бы это не кончалось».

Пятнадцать лет назад, на следующий после концерта день, я брала свое первое в жизни интервью. И это был полный, сокрушительный, оглушительный и — слава богу — единственный в жизни провал. Интервьюировала я Дмитрия Хворостовского.

Нет, я не «плавала» в материале: оперу и академическую музыку я слушаю лет с восьми, так что была вполне «наслышанной» девочкой.

Дима пил пиво и курил. А я уже считала его голос своим собственным (и мировым, конечно) достоянием. Дима хотел говорить только о музыке, а я хотела говорить о том, какие книжки он читает и почему его эти гады не зовут в Большой. И почему ему не дали спеть сольник, ведь эта певица на его фоне... А Дима не хотел обсуждать своих партнеров по сцене. Мы разругались. Вдрызг. Без прямых оскорблений, но с переходом на личности.

...Пятнадцать лет назад он меня все-таки догнал у лифта. И я эдак гордо принимала извинения. А дома я прослушала кассету и облилась слезами.

Хворостовский больше не ругается с журналистами. Он мудр и снисходителен. Он по-прежнему хочет говорить только о музыке и не хочет обсуждать партнеров по сцене.

Спасибо, Дим...